

ТЕАТР – ПОЗНАНИЕ, МИР, ПУТЕШЕСТВИЕ

ДЕТСКОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТЕАТРУ
ИМЕНИ НАТАЛИИ САЦ – 50 ЛЕТ

Георгий Исаакян

Детский музыкальный театр, куда я пришел пять лет назад на должность художественного руководителя, – это театр, которого не было до того, как его придумала Наталия Сац. Не было вообще. Как она сотворила этот театр, который до сих пор – даже для меня, взрослого человека, три десятка лет проработавшего режиссером, – и загадка, и тайна, и сказочный дворец?

Наталия Сац, которую малышкой в пеленках отец, композитор Илья Сац, приносил на репетиции в Первую студию Художественного театра к Всеволоду Мейерхольду, выросла за кулисами знаменитого Московского Художественного театра, в окружении артистов, художников, режиссеров, в том самом начале XX века, когда русская культура расцвела дивно. Сам Евгений Вахтангов в 1910-х годах сказал ей, что, мол, родись ты мужчиной – быть тебе режиссером. Наталия Сац, всем существом впитавшая русский Серебряный век, придумала свой театр – театр для детей – так, что в нем просматриваются все идеи, определившие русскую, а во многом и мировую культуру XX столетия. Театр – познание, мир, путешествие. И ведь не просто придумала, а сумела добиться, чтобы его построили – в советские годы, в эпоху застоя, когда, казалось, ничто и никуда не двигается и уж точно ничего нового не возникает. Но нет – возникло. В 1979 году открылось здание Детского музыкального театра, который к тому моменту больше десяти лет был успешным и признанным во всем мире и таким любимым на родине. Только вот у него не было своего дома. Тогда и решила Наталия Ильинична пойти ва-банк и положила на стол московским властям заявление об уходе – в том случае, если не будет ее театру выделено или построено собственное здание. Об этой стройке – всенародной, как ее почти сразу стали называть, стройке первого детского музыкального театра, до сих пор ходят легенды*.

Уже несколько поколений зрителей помнят, как ходили сюда в детстве. Помнят залитое солнцем просторное фойе с волшебными мостками, на которых, приветствуя маленьких зрителей, стоят Принцы и Принцессы, Петрушки и Скоморохи, персонажи из разных спектаклей театра. Помнят чудо на каждом шагу, ведь даже дверные ручки в этом театре необычной формы и похожи на скрипичный ключ. Но чтобы понять это, к ним нужно приглядеться, обвести их изгибы пальцами, задуматься. Пространство, в котором все учит, развлекает, – вот что придумала эта великая женщина.

Тысячу двести человек вмещает в себя Большой зал Театра Сац. Когда все они приходят, выясняется, что здание, такое огромное, когда пустое, абсолютно соразмерно этому количеству людей, которые совершенно не должны ходить строем в одном направлении: из гардероба в зал, в антракте в буфет, после окончания спектакля – в гардероб и на выход, а, напротив, могут рассеяться по театру. Поэтому здесь столько закутков, ниш, поворотов и секретов, чтобы каждому, будь ему три года или шестьдесят три, было бы здесь увлекательно и комфортно.

* См. РИ № 4/2013. С. 84–86.

1

2

3

4

5

1. Фойе Большого зала
2. Ротонда
3. Палехское фойе
4. Малый зал
5. Большой зал

Сцены из спектаклей «Любовь к трем апельсинам», «Игра о Душе и Телe», «Мадам Баттерфлай (Чо-Чо-Сан)»

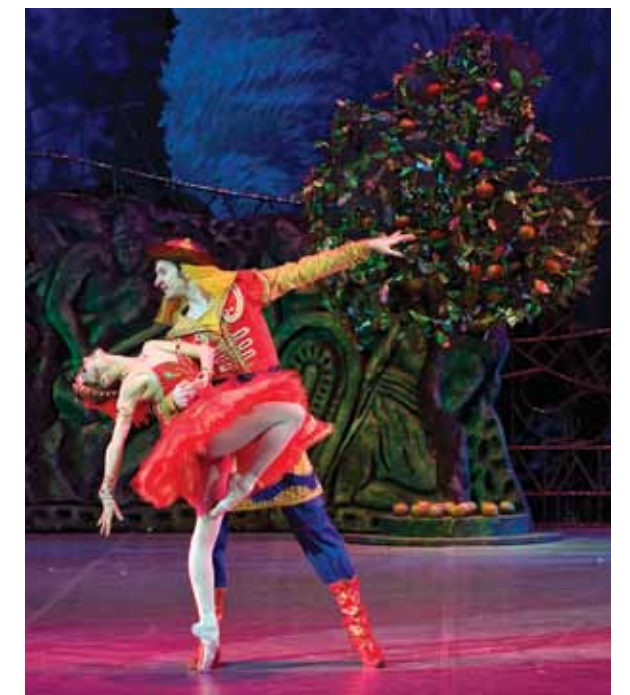
От тронного зала зрительского фойе расходятся в разные стороны тропки, по которым можно путешествовать. Вот буфет, но попадаешь в него не сразу, а только если пройдешь сквозь зеркальный коридор. А напротив зеркал – огромное живописное панно, стоит рояль, и на нем всегда кто-то играет. И при Наталии Ильиничне так было, и сейчас так. Потому что работает сама идея стоящих по всему зрительскому фойе музыкальных инструментов – роялей, пиано: на них всем хочется поиграть. Мне тоже. Еще поворот, лесенка, маленький пролет – Зимний сад с огромными, от пола до потолка, окнами, которые выходят во внутренний двор театра, где установлены фигуры неведомых зверей. Из Зимнего сада лестница наверх, таинственным полукругом, ведет в верхнее фойе с колоннами, между которыми можно бегать или рассматривать парящие над головой огромные скульптуры. В углу – столы для рисования, бумага, карандаши, и уже кто-то сидит и рисует. Опять идея, которая не исчерпывает себя: низкие детские столы, маленькие стульчики, цветные карандаши в стаканчиках и белая бумага. Все это было придумано уже тридцать, если не сорок, лет назад. Именно здесь придумано, в Театре Наталии Сац.

Когда я работал над первым своим спектаклем в этом театре – «Любовь к трем апельсинам» С.С. Прокофьева, одной из идей, увлекших меня, было задействовать все три сцены, которые есть в Большом зале: центральную и две боковые, как правило, носившие в постановках служебный характер. Благодаря такому решению в нашем спектакле зритель видит сразу три действия, три картинки, и, только собрав этот огромный «пазл» воедино, может «прочесть» всю историю целиком. Ведь эти три сцены, задуманные Наталией Ильиничной в ее Детском театре, ни много ни мало – отголоски идеи «тотального театра», который окружает зрителя со всех сторон, идеи Макса Рейнхардта, знаменитого австрийского режиссера-авангардиста. А архитектура пространства Большого зала отчасти напоминает пространство Зала имени Чайковского, зала, построенного для своего нового театра Всеволодом Мейерхольдом в конце 30-х годов. Театр Наталии Сац в принципе полон таких идей, как будто бы дважды переосмысленных, преломленных сначала че-

рез призму театрального авангарда, а потом – сквозь идею детского театра.

А вот Палехское фойе, придуманное Наталией Ильиничной, – для меня это, наоборот, не переосмысленный отзвук прошлого, а невероятная проекция в будущее. Увеличенная до гигантских размеров палехская миниатюра с возникшими на ней в качестве героев фигурами Трех Толстяков, Маугли и других сказочных – и не очень сказочных – персонажей детского музыкального театра (чего стоят, например, сцены из «Ромео и Джульетты!»), по сути, ведь является предшественницей ставших абсолютным китчем матрешек с изображением советских и постсоветских руководителей на Арбате. Как многие новые идеи в искусстве, эта, в Палехском фойе Театра Сац, – наивная, прелестная, живая, дышащая, – на Арбате доведенная до абсурда, стала выхолощенной, «глухой». Иногда выдающиеся люди предвосхищают и такие «перевертыши» своих идей...

Я иду по пустому театру дальше. Малая сцена – наша нынешняя гордость. Это реконструированный лекторий, где детям рассказывали про музыку и игрались камерные спектакли и концерты. Сегодня лекторий уступил место свободно трансформирующемуся пространству универсальной «синей коробки», где зритель может быть рассажен как угодно. Именно здесь мы сделали спектакль «Игра о Душе и Телe», первую оперу в истории человечества, которая была написана в 1600 году композитором Эмилио Кавальери как беседа человека, ни много

Сцены из спектаклей «Жар-птица», «Мадам Баттерфлай (Чо-Чо-Сан)» (внизу)

ни мало, – с Богом. Нам показалось очень важным сделать этот спектакль именно как камерный, интимный разговор, когда глаза в глаза с артистом и невозможно скрыть ложь. Потому что на эту абсолютно «несовременную» тему – тему духовного пути человека – спустя 400 лет

Сцена из спектакля «Золотой петушок»

можно говорить только так: в непосредственной близости друг к другу. И хорошо, что именно в пространстве Малой сцены проходят также концерты инструментального авторского цикла нашего главного дирижера Алевтины Иоффе.

Еще одна тема, которая постоянно возникает, когда думаешь о нашем театре: здесь всегда – и сегодня – многое происходит либо

Сцена из спектакля «Шехерезада»

вообще впервые в мире, либо уникально и ценно настолько, насколько это вообще возможно в мире культуры. Неслучайно именно здесь сегодня можно посмотреть восстановленные Андрисом Лиепой знаменитые балеты «Русских сезонов» Сергея Дягилева, эти дивные сны великих художников начала XX века о России. Я рад, что именно на нашей сцене и дети, и их родители могут услышать музыку Стравинского, Римского-Корсакова, Прокофьева, Чайковского, увидеть то, о чем мы только читали в учебниках по истории театра: декорации и костюмы Бакста, Бенуа, Гончаровой, Коровина, Головина, хореографию Фокина, Нижинского. Увидеть не на выставке, а, например, в опере-балете Фокина на музыку Римского-Корсакова «Золотой петушок». Спектакль не только уже несколько сезонов идет на нашей сцене в Москве, но и был показан в Париже и Лондоне на организованном Фондом Андриса Лиепы совместно с театром Дягилевском фестивале.

Театр Наталии Сац сегодня, в год своего 50-летия, снова вошел в пространство мировой культуры, как и прежде, он среди лучших российских театров, и несколько полученных в последние годы премий – «Золотая Маска» и «Арлекин» – одно из тому подтверждений.

2014 год мы завершили мировой премьерой мюзикла Александра Чайковского «Жизнь и необыкновенные приключения Оливера Твиста» и спектакля «Мадам Баттерфлай (Чо-Чо-Сан)».

Я иду по театру и перебираю в голове наши планы на 2015 год: «Кухонный концерт», спектакль для самых маленьких, двух-, трехлетних зрителей, совместная работа с интереснейшим проектом «Baby Lab»; «Кот в сапогах», эксцентричный и уморительный балет Елены Богданович на музыку Валерии Бесединой; возобновление оперы Михаила Красева «Морозко», с которой начиналась 50 лет назад биография нашего театра; «Оловянный солдатик», волшебный камерный балет – на Малой сцене; «Похождения Лисички-плутовки» Леоша Яначека, одно из самых таинственных и глубоких оперных названий XX века – на Большой.

Я иду к центральному входу театра встречать зрителей. Сейчас они войдут – и театр оживет. Потому что театр – это такое место, которое не имеет смысла без зрителя, – как и любая сказка.

Ключевые слова: Театр имени Наталии Сац, 50-летие, Георгий Исаакян, балеты Дягилева, опера, мюзикл.

Фотограф Елена Лапина.

Сцены из спектаклей «Петрушка» (1), «Шехерезада» (2), «Золотой петушок» (3), «Жизнь и необыкновенные приключения Оливера Твиста» (4, 5)